Globethics Repository

Доступ к информации: чьи права и чья информация?

This page was generated automatically upon download from the Globethics Repository. More information on Globethics see https://www.globethics.net. Data and content policy of Globethics Repository see https://repository.globethics.net/pages/policy.

Item Type	Preprint
Authors	Pope, Jeremy
Publisher	Transparency International
Rights	With permission of the license/copyright holder
Download date	2026-11-08 18:18:36
Link to Item	http://hdl.handle.net/20.500.12424/177717

Доступ к информации: чьи права и чья информация?

Джереми Поуп

> Народное правительство без доступной народу информации или средств получить ее есть не что иное, как пролог к фарсу или трагедии или, возможно, и тому, и другому. Знание будет всегда править невежеством, и народ, который хочет править собой сам, должен взять на вооружение силу, которую дает знание.
> Джэймс Мэдисон, письмо к У.Т. Барри, 4 августа 1882 г.

Это замечание Мэдисона также верно сегодня, как и тогда, когда он сделал его почти двести лет назад. Доступ к информации по-прежнему является во всем мире настоящим минным полем. Как отметил Мэдисон, знание – это сила, и те, кто обладает им, имеет силу править.

Эта концепция достаточно проблематична во многих индустриально развитых странах, но она особенно подвергается сомнению в тех странах, где существовали различные виды колониального правления – системы, отмеченные приверженностью к секретности, где самая незначительная информация тщательным образом охранялась, и подотчетностью не народу, а отдаленным столицам. Элемент доверия там отсутствовал.

Получив независимость, эти страны унаследовали административную систему и чиновников, одержимых секретностью. Это распространяется и на страны переходной экономики Центральной и Восточной Европы, и на все остальные, выходящие из различных форм диктатуры или феодализма. Защищенные секретностью, коррупция, подавление и нарушение прав человека были в изобилии - а доверие было на нуле. Этот климат сохранился во многих странах, что более чем ярко продемонстрировали события от Казахстана до Зимбабве. В первой стране власти избивали правдивых журналистов, в то время как в последней режим Мугабе уничтожил доступ к правительственной информации и свободную прессу.[1]

Одержимость секретностью сохраняется и в ведущих индустриально развитых странах. Станьте свидетелями абсурдного спектакля, в котором Швеция обвинена Европейской комиссией в нарушении закона Европейского сообщества, выразившемся в обнародовании документов Еврокомиссии в соответствие с законодательством, которым шведы пользуются почти 250 лет.[2] Даже самые скромные предложения о доступе к информации спровоцировали в Европейском парламенте «вызвавший резкие разногласия и все еще противоречивый компромисс».[3] В это время в Соединенных Штатах, чей эпохальный закон о свободе информации долгое время занимал первое место в мире, Белый дом стремился воспрепятствовать обнародованию информации о своих встречах с официальными лицами компании Энрон и другими представителями энергетического сектора, - иллюстрируя этим факт, что борьба за информацию есть в общем и целом борьба за подотчетность. На встрече по устойчивому развитию в Иоханнесбурге разразилась битва за то, следует ли общественности в развивающихся странах иметь право на информацию, которое даст им возможность требовать отчета от многонациональных корпораций в том случае, если и когда их деятельность приведет к загрязнению окружающей среды и причинит ущерб здоровью их народа.[4]

В развивающемся мире ощущаемая обществом секретность и отсутствие подотчетности со стороны предоставляющих помощь донорских организаций и международных финансовых институтов были питательной средой для общественных опасений. Слишком часто казалось, что доноры оказывали скрытным режимам поддержку займами и помощью, детали которой скрывались от граждан, каковым они, по видимости, и намеревались помочь. В некоторых странах от этих самых граждан теперь ждут возвращения займов, которые были расхищены их бывшими лидерами при очевидном молчаливом согласии заимодавцев.

Эти злоупотребления образовались в результате чрезмерной банковской секретности, соединенной с оффшорными финансовыми центрами, некоторые из которых рекламируют свое предназначение как помощь клиентам (включая коррумпированных политических лидеров) «в укрытии их средств от ищущих глаз».[5]

Кризис индустриального мира, связанный с бухучетом в частном секторе, еще более усложнил ситуацию. Здесь зависимость вознаграждений для высшего звена управляющих от цен на акции, соединенная с вопиющим конфликтом интересов со стороны аудиторов, сделала возможными скандальные бухгалтерские порядки и бесстыдные незаконные торговые операции с ценными бумагами на основе внутренней информации. Сейчас мы достигли черты, когда у общественности нет уверенности, что бухгалтерские книги любой корпорации точно и справедливо отражают ее финансовое положение - что имеет неисчислимые последствия для сберегательных и пенсионных программ целого поколения значительной части развитого мира и для здоровой работы рынка капиталов.

Скрываясь за маской видимой открытости и подотчетности, существование которых некогда пользовавшиеся доверием фирмы и бизнес-аналитики охотно поддерживали, множество видов коррупционной деятельности лишили средств к существованию и ожиданий миллионы людей. Однако, став информаторами, аудиторские компании рискуют потерять заработки, а также быть допрошенными об их собственной роли в разработке непрозрачных корпоративных структур и оффшорных дочерних компаний.[6] Аудиторам доверили право вести честную бухгалтерию, и это доверие они предали.[7] Часто их деятельность была поддержана юристконсультами, которые помогали создавать секретные корпоративные партнерства и схемы по уходу от налогов в оффшорах.[8]

Другими участниками этого массового движения секретности были исследовательские институты – ситуация, когда крупные, но нуждающиеся в деньгах университеты заключают в свои объятия индустриальных спонсоров. Здесь возникает непредсказуемый риск, когда, как они неизбежно должны, интересы бизнеса входят в конфликт с основополагающими принципами академического исследования. Часто спонсоры университетских исследований требуют права скрывать выводы, которые могут нанести им урон.[9]

СМИ, чьей ролью было защищать нас от этих злоупотреблений, часто подводили нас. Безусловно верно то, что некоторые из СМИ сыграли ключевую роль в обнаружении и расследовании коррупции. Но также верно и то, что многие СМИ были во власти рекламной политики и бизнеса, и государства, когда рекламодатели, как частные, так и общественные, были готовы злоупотребить своей властью, чтобы разместить и снять свою рекламу. Развивались огромные международные СМИ, временами более чем готовые идти на службу властям, чтобы увеличить свою аудиторию и потенциал для роста доходов от рекламы. Эти информационные сети взяли на себя безмерную политическую власть, и не были подотчетны никому, кроме самих себя. Спасение здесь заключается в том, что эти

конгломераты действуют в условиях конкуренции и что все еще есть независимые СМИ, которые могут (и это у них получается) привлекать общественное внимание к наиболее вопиющим случаям злоупотреблений этих всемирных новостных левиафанов.

Борьба за доступ к информации

Доступ к информации стал объединяющим лозунгом десятков общественных движений и организаций гражданского общества по всему миру. От низовых деревенских ассоциаций до транснациональных движений, организации гражданского общества заявляют о праве граждан знать, что делают правительства, международные организации и частные корпорации, и как выделяются общественные средства. Некоторые из этих требований напрямую отражают антикоррупционные проблемы. Другие более широко направлены на улучшение системы управления, но поскольку коррупция процветает в темноте, любой прогресс в деле открытия доступа властей и межправительственных организаций внешнему расследованию способен развивать антикоррупционные усилия.

Борьба на местном уровне: МКШС, Индия

Одной из наиболее успешных кампаний гражданского общества, добивавшейся большего доступа к информации, является Маздор Кисан Шакти Сангатан (МКШС), Ассоциация за наделение полномочиями рабочих и фермеров.
МКШС начала свою деятельность в начале 1990-х гг. в практически неграмотной деревне Девдоогри. Хотя местные жители непосредственно наблюдали за тем, как росли противозаконные дела, у них не было средств подтвердить их документами. При помощи скромных средств, предоставленных общиной, ядро активистов начало ходить от деревни к деревне, задавая самые основные вопросы о том, сколько средств было выделено конкретным общинам на их развитие и сколько денег было непосредственно потрачено.
Многие чиновники настаивали на том, что никто не имеет права требовать такую информацию. Тем не менее, при помощи симпатизирующих ей чиновников МКШС добилась успеха в получении счетов местных властей. Затем она организовала общественные слушания, в ходе которых стало ясно, что средства были потрачены не так, как они должны были. Были зачитаны списки тех, кто получил деньги за работу на проектах, что обнаружило тот факт, что многие из получивших их умерли много лет назад. Были зачитаны списки расходов на проекты, но присутствовавшие там заявили, что эти проекты никогда не были осуществлены.
Движение МКШС быстро расширялось. Более 200 деревень и 400 организаций приняло участие в сорокадневной сидячей демонстрации за право на информацию, состоявшейся в 1996 г. в Раджастане, требуя прозрачности в отчетности и возвращения исчезнувших средств. Эта акция разрослась до охватившей весь штат кампании, захватившей журналистов, политиков и другие низовые организации.[i]
Эта кампания привела в 2001 г. к переменам, когда правительство Раджастана приняло закон о доступе к информации. С той поры еще пять индийских штатов

[i] София Сиркар: «Информация – это мое право», *Indiatogether,* май 2001, сайт www.indiatogether.org/stories/ncpri.htm.

приняли соответствующие законы и движение МКИИС, начавшееся в Раджастане, выросло в народное национальное движение.

Борьба на национальном уровне: Групо Оаксака, Мексика

Движение «Групо Оаксака» возникло из конференции «Право на информацию и демократические реформы», проведенной в Оаксака, Мексика, в мае 2001 г. Ученые, юристы, журналисты и представители НКО встретились там и договорились создать специальную комиссию, которая будет оказывать давление на создание законодательства по доступу к информации. Президент Винсенте Фокс включил в свою предвыборную кампанию обещание подготовить проект закона о доступе к информации в течение первого года своего президентства, но на момент проведения встречи в Оаксака никакого закона не готовилось.

В октябре 2001 г. группа представила мексиканскому Конгрессу свой законопроект, который должен был гарантировать гражданам доступ к правительственным документам – первый раз, когда организация гражданского общества представила закон законодательному собранию. Правительство ответило на это обещанием ввести законодательство о свободе информации в декабре 2001 г.

Составить проект этого закона досталось антикоррупционному агентству SECODAM, но благодаря утечке информации стало ясно, что проект полон исключений и лазеек. Ответственность за него была передана в секретариат правительства,[ii] и различные предложения стали темой многомесячного диалога, в котором приняли участие представители Конгресса. Обе палаты законодательного собрания в конце концов единогласно одобрили в апреле 2002 г. компромиссный закон.[iii]

Борьба на международном уровне: политика Мирового банка по раскрытию информации

Хотя Мировой банк сформулировал свою политику о раскрытии информации в 1989 г. и изменил ее в 1993 - отчасти в ответ на давление гражданского общества - активисты гражданского общества утверждают, что эта политика носит слишком ограниченный характер. Значительная часть информации остается покрытой тайной, особенно та, что касается планов Мирового банка касательно будущих проектов и программ. Более того, «попытки получить доступ к информации широкой общественности и прежде всего людьми, напрямую затронутых проектами и программами Банка, последовательно сталкивались с отказами и волокитой».[iv]

В 2001 г. организации гражданского общества возобновили свою кампанию за реформу. Среди наиболее активных групп были Банковский информационный центр (США), Libertad Ciudadana/Poder Ciudadano («Гражданская свобода/Гражданская власть») (Панама), «Транспаренция» («Прозрачность») (Мексика), региональные партнерские сети, такие как Сеть по контролю за банками Центральной и Восточной Европы и отделения международных НКО, таких как Экшен Эйд, Оксфам и Транспаренси Интернешнл.. В апреле 2001 г. свыше 550 подобных организаций из более чем 100 стран подписали совместное письмо, требовавшее от Мирового банка больше прозрачности и подотчетности. В добавление к этому, более 250 групп приняли участие в консультациях в 19 городах

[ii] Кейт Дойл: «Свобода информации в Мексике», Вашингтон, округ Колумбия, Архив национальной безопасности, 2 мая 2002 г., сайт www.gwu.edu/~nsarchiv/NCAEBB/NCAEBB68/index2.html.
[iii] Газета *Вашингтон Пост* (США), 1 мая 2002 г.
[iv] Лори Удал: «Мировой банк и общественная подотчетность: изменилось ли что-либо?», в кн. Джонатана А. Фокса и Л.Д. Брауна (изд.) «Борьба за подотчетность: Мировой банк, НКО и стихийные движения». Кэмбридж, штат Массачусетс, изд-во МТТ, 1998.

по всему миру и многие представили на рассмотрение Мировому банку или своим национальным правительствам свои письменные комментарии. Если Мировой банк серьезно относится к идее соучастия, утверждали они, он должен открыть документы, демонстрирующие, какие проекты или линии поведения обсуждаются и обнародовать их так, чтобы те, кого они более всего касаются, могли принять участие в их формировании.

В число тех, кто объединил свои усилия против этой кампании гражданского общества, вошли некоторые из самых коррумпированных и репрессивных в мире правительств, на которых не подействовали требования, что на них лежит ответственность сделать себя подотчетными в том, как они осуществляли проекты с участием Мирового банка или других спонсоров. Наиболее удивительным, однако, оказалось сопротивление со стороны некоторого количества крупных демократических государств развитого мира. Они утверждали, что обнародование конфиденциальной информации во время переговоров о займах может оказать негативное воздействие на рыночные силы и отпугнуть частных кредиторов. Уточненная политика Мирового банка о раскрытии информации, введенная в августе 2001 г., сделала несколько шагов вперед в сторону прозрачности,[v] но в целом организации гражданского общества остаются неудовлетворенными. Банк отверг идею об обнародовании проектов документов, что позволило бы людям, находящимся за пределами непосредственного круга этого учреждения, внести свой вклад в подготовку проекта. Он также отказался сделать открытыми встречи совета директоров, чтобы сделать их более прозрачными. Как отметил Банковский информационный центр, «новая политика… представляет собой нежелание самого Мирового банка превратить свою риторику по поводу «совместного принятия решений» в конкретную программу действий».[vi]

Последствия войны

Хотя эти три примера сопровождались успехом, они также говорят о том, что борьба гражданского общества за доступ к информации сталкивается с препятствиями на всех уровнях – местном, национальном и международном. Секретность помогает сохранить круг лиц, принимающих решения, узким, избавляя руководителей от труда давать объяснения.

События 11 сентября еще больше усилили желание и способность властей отвергать требования прозрачности. Соединенные Штаты ответили особенно сильными мерами, такими как практика «чистки» вебсайтов – удаление информации, которая может помочь террористам в планировании атак. Федеральные агентства, включая Агентство по защите окружающей среды, Агентство по регулированию ядерной деятельности и Службу внутреннего налогообложения, также как и ряд правительств штатов, приняли меры по затруднению доступа к информации. Даже организации гражданского общества приняли участие в «чистке» – Федерация американских ученых, ведущее НКО, поддерживающее прозрачность правительства через свой «Проект государственной безопасности», удалила информацию о местонахождении тайных разведовательных учреждений со своего сайта под предлогом того, что такая

[v] Наиболее важными были документы из серии «Материалы по стратегии снижения бедности (МССБ)», которые должны были стать результатом национальных дискуссий с участием гражданского общества, посвященных тому, как лучше всего снизить уровень бедности; в настоящий момент должны быть обнародованы на местном уровне, чтобы правление Мирового банка могло рассмотреть их.

[vi] Банковский информационный центр: «Продолжающаяся борьба за прозрачность Мирового банка: результат рассмотрения Политики по раскрытию информации». Вашингтон, округ Колумбия, Банковский информационный центр, 4 ноября 2001.

информация нигде не является доступной.[vii] Канадское правительство также осуществило шаги по ограничению доступа к информации, введя в ноябре 2001 г. закон о терроризме, позволяющий Генеральному прокурору отменять разрешения на предоставление информации, выданные уполномоченным по информации, после самого поверхностного рассмотрения.[viii]
Тем не менее, все эти препятствия в доступе к информации скорее всего останутся ограниченными, особенно за пределами Соединенных Штатов. Как демонстрирует недавний успех законодательства Мексики, для деятелей гражданского общества право на доступ к информации остается мощным основанием для действий. Хотя культура секретности глубоко укоренилась, наиболее поразительным в последние годы был не успех властей в сохранении контроля за информацией, а способность гражданского общества вырвать у них этот контроль.

Двигаясь вперед

Чтобы гражданское общество имело возможность одержать победу, ему требуется помощь со всех сторон. Одним из важных шагов для организаций в разных странах и регионах – это общение друг с другом, объединение идей о методах действий. Исследователи могут оказать значительную помощь, давая оценку политике прозрачности властей и международных организаций, сравнивая их друг с другом и с признанными стандартами.[ix] Хотя национальные кампании должны быть поддержаны изнутри, иностранные доноры необходимы для поддержки транснациональных сетей между организациями гражданского общества.
Самую важную роль должны играть сами организации гражданского общества - они не всегда представляют информацию о сотрудниках, действиях, источниках финансирования, расходах и иногда даже целях. Группы, вовлеченные в кампании за доступ к информации, стремятся быть более прозрачными, чем их противник, но по-прежнему оказываются замаранными обвинениями в неподотчетности и непрозрачности, которые чаще и чаще выдвигаются против всего гражданского общества. Те организации гражданского общества, которые пропагандируют доступ к информации, должны также сделать обязательным представление публичных отчетов – для себя и других групп активистов, если они, как защитники открытости, хотят гарантировать законность и истинность собственных претензий.

Эн Флорини

Еще одной угрозой является растущее влияние медиа-олигархов, которые вышли на свет для того, чтобы пользоваться своей властью, не информировать, а служить откровенно частным и личным политическим целям. Спектакль, происходящий в Италии, где глава правительства не только имеет преобладающее влияние на частные СМИ, но также обладает властью фальсифицировать информацию в государственных СМИ, служит дурным предзнаменованием демократии. Он

[vii] Лоу Долинар: «В доступе отказано», сайт Newday.com (США), 24 октября 2001.

[viii] Дэвид Банисар: «Свобода информации и доступ к правительственным материалам во всем мире», июль 2002, сайт www.freedominfo.org/survey.

[ix] Центр глобальных исследований университета Виктории выпустил пособие «Меняя мнение о системе управления: реестр идей о том, как увеличить соучастие, прозрачность и подотчетность», которое является прекрасным базовым материалом для оценки мер международных организаций по распространению информации; сайт www.globalcentres.org/html/inventory.html.

демонстрирует не только личное господство над частными СМИ, но также опасность, присущую большинству СМИ, которые контролируются и принадлежат государству. Зачастую чрезвычайно близкие отношения между магнатами СМИ и влиятельными политическими лидерами в развивающихся странах и странах Центральной и Восточной Европы регулярно препятствуют СМИ информировать общественность в полном объеме по важным проблемам, нередко одновременно же гарантируя, что общественность получает новости и оценки, служащие деловым интересам владельцев СМИ и их политическим партнерам по коррупции. Непрекращающиеся случаи политических усилий установить господство над СМИ в Центральной и Восточной Европе являются частью глубоко тревожащей тенденции.[10]

В недрах самих новостных корпораций, от Латинской Америки до Средней Азии, находятся журналисты, которые стали добровольной жертвой корпоративного радушия и взяток, и которые не задумываясь, использовали своё положение в личных целях. Даже в ведущих индустриальных странах мы наблюдаем, как репортеры так сливались с крупными корпорациями, что не могли исполнить свой долг – Энрон застращал стольких, что они предпочли месяцами игнорировать тот факт, что кончина одной из самых крупных в мире корпораций неизбежна.[11]

Файненшл Таймс является одной из тех газет, что жалуется на «торжественные заявления о верности общественным интересам бульварных газет, которые не разбираются в средствах в своей профессиональной деятельности».[12]

Против этих батальонов выстроился одинокий и незащищенный отряд информаторов – людей, которые рискуют своей репутацией, карьерой и семьей, делая достоянием общественности злоупотребления и в частном, и в общественном секторе. К ним мы должны также отнести бесстрашных журналистов, которые заплатили своими жизнями в борьбе с коррупцией – предоставив дополнительные свидетельства того, как далеко готовы зайти некоторые политические элиты, чтобы защитить существующее положение. Когда информационный концерн «Народный голос» Зимбабве добился успеха, обойдя правительственный запрет на независимые радиостанции, выпуская свои передачи из Нидерландов, он быстро стал жертвой «профессионального поджога», уничтожившего их компьютеры, записывающую аппаратуру, архивы и пленки, и оставившего стоять только стены студии.[13]

Неудивительно в таком случае, что в различных обществах по всему миру само понятие «доверие» радикальным образом изменилось – будь оно к правительству, к частному сектору, к профессиональным группам, к СМИ или к гражданскому обществу. Люди более не принимают требование «не спорь со мной. Ты можешь мне доверять». Так часто оставляемые в потемках, столь регулярно вводимые в заблуждение и так постоянно обманываемые, люди теперь имеют склонность отвечать: «*Покажите* мне! Я должен это видеть сам». Прозрачность стала заменой доверия.[14]

И в самом деле, общественность реагирует требованиями знать не только источники финансирования политических партий, но также средства, доход и денежные обязательства политиков и высших должностных лиц, что в прошлом было практически невозможно.[15] Парадоксальным образом, эти требования часто сталкиваются с заявлениями, что раскрытие информации будет представлять собой незаконное вторжение в частную жизнь – особый способ защиты, который еще больше подпитывает подозрения, что политики продаются тем, кто им заплатит, и что чиновники выкачивают средства из общественного кармана.[16]

Претензия на частную жизнь есть фактически тот же призыв «Верьте мне!». Но факт остается фактом – циничная общественность поступает в точности наоборот.

В отсутствие надежной информации, доказывающей обратное, она просто исходит из худшего.
Если нашей целью является прозрачная, подотчетная и честная система правления – правительство, которому мы можем доверять и частный сектор, внушающий доверие – тогда чем меньше информации скрывается от нас, и чем больше у нас уверенности в ее точности, тем скорее мы достигнем нашей цели.

I Информационная перегрузка

Обычным гражданам нужен доступ к правительственной информации, чтобы пользоваться своими правами практически на всех стадиях жизни – получить ли образование, устроиться на работу, получить доступ к программе помощи нуждающимся, построить или купить дом, начать свое дело или получить пенсию. Без нее они легкая добыча для коррупционеров и мошенников. Помимо всего этого, нам всем нужен доступ к общественной информации, если мы хотим доверять нашим общественным институтам и быть уверенными в том, что они работают так, как должны. Политика и практика открытости может сама по себе дать много уверенности.
Тем не менее, информация, которая нам нужна, может легко раствориться в лавине ненужной информации. Чего мы добиваемся, если страдаем от информационной перегрузки, если информация, которую мы получаем, не является действительно содержательной, если мы просто столкнулись с морем непроверенных «фактов? В Соединенных Штатах, например, существует избыток информации о том, кто делает пожертвования на предвыборные кампании, тогда как принципиальная информация, дающая понимание о политическом влиянии, приобретенном крупными жертвователями, в основном отсутствует.
Если нам нужна иголка, мы не хотим, чтобы ее пришлось искать в стоге сена. И здесь СМИ могут служить фильтром, когда они просеивают и сортируют информацию в виде поддающихся контролю единиц. К сожалению, исполнение СМИ этой роли часто не соответствовало ожиданиям.
Эта роль плохо удается СМИ тогда, когда власти пользуются своими полномочиями и судами для запугивания издателей и журналистов. Не идет вперед и движение за точность, когда информация искажается работающими на политиков «мастерами фальсификаций». Яркий пример был предложен Великобританией, когда «специальный советник» одного министра заявила 11 сентября 2001 г., в то время, как общественное внимание было приковано к жестокости, совершенной против Всемирного торгового центра, что «это хорошее время, чтобы похоронить плохие новости».[17]
Кампании за доступ к информации часто ведутся в интересах СМИ, что требования на таковой доступ не должны подтверждаться никакими аргументами. Принимая во внимание нашу шаткую веру в СМИ, мы, однако, не можем уступить им исключительного права на борьбу за этот доступ. Напротив. Требования граждан гораздо более неотразимы. Если мы спросим: «Кому *принадлежит* информация, которой мы требуем?», ответ скорее всего будет – «Нам, народу, а не им, государству».
Информацию лучше всего рассматривать как имеющуюся у государства в интересах народа, для использования ее с максимальной пользой для народа. В самом деле, конституция Бразилии, делая все для того, чтобы хранить право каждого гражданина получить от общественных учреждений информацию, касающуюся личного интереса гражданина, или информацию общего или коллективного интереса, единственное исключение делает тогда, когда

конфиденциальность информации принципиальна для безопасности государства и общества.[18]

Борьба с бедностью при помощи информации

Граждане Индии – самого населенного демократического общества в мире – относятся к самым выдающимся в мире защитникам доступа к информации. В частности, организация гражданского общества под названием Маздор Кисан Шакти Сангатан (МКШС), что переводится как Ассоциация за наделение полномочиями рабочих и фермеров, подготовила радикальную интерпретацию той точки зрения, что граждане имеют право знать и как ими управляют, и активно участвовать в процессе аудита своих избранников.[19]

Поощряя симпатизирующих им чиновников предоставлять им информацию неофициально, МКШС получила возможность подтвердить документами связь между местными политиками, местными чиновниками и местными подрядчиками, связь, которая была хорошо известна, но процветала под защитой секретности.[20]

Этот пример отчетливо демонстрирует то, что право на информацию имеет прямое практическое значение для бедных и маргинализированных людей, особенно там, где активисты гражданского общества могут помочь им получить ее и воспользоваться ею.

Столь значительным был успех «социального аудита», проведенного МКШС, что штат Раджастан принял законодательство, делающее обязательным проведение аудита по всему штату. Но поскольку государственные служащие, проведшие его, не были сторонниками этого процесса, официальный аудит жалким образом провалился. Чиновники не позаботились сообщить, почему и когда будут проведены собрания, и не особенно постарались дать информацию в понятном виде.[21] Преднамеренное плохое обращение чиновников с информацией защитило коррупционеров и успешно сорвало осуществляемые из лучших побуждений реформы.

Для того, чтобы информация была полезной, она должна существовать в виде единого целого, но быть доступной в детальном виде. Чтобы иметь возможность принять решение, родители должны знать больше, чем только размер средств, выделяемых государством на образование; они должны иметь возможность легко выяснить бюджет школы их детей. У людей должен быть также доступ к сопроводительной документации, чтобы понять, как конкретная заявка была рассмотрена в рамках программы оказания помощи малоимущим, или как и между кем были распределены фонды; в противном случае шансы разоблачить предвзятость в рассмотрении заявления или отступление от плана при распределении средств невелики. Информация должна быть также физически доступной. В сельских районах мало что значит, какие права на информацию есть у человека, если для того, чтобы получить ее, ему надо добираться сотни километров до столицы.[22]

Индийский опыт предполагает, что НКО и другие активисты должны хотеть использовать информацию, которую они получили, против властей и таким образом вынудить государственных служащих принять меры по исправлению дел. Такого рода активизм не может быть оставлен в руках немотивированной бюрократии.

Разработка законодательства по доступу к информации

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека - всеобщее право всех «искать, получать и передавать информацию…» – является начальной точкой для разработки законодательства о доступе к информации, но у нее есть свои пределы. Ее целью было урезать правительственную цензуру, нежели пропагандировать прозрачность правительства.[23] Таким образом, задачей реформатора является нарастить мясо на скелет статьи 19, и сделать это как по социальным, так и по экономическим причинам.

В основе своей вся информация принадлежит обществу и должна находиться в общественном распоряжении, если только не существуют неотразимые аргументы в пользу ее удержания. Идеальный подход можно найти в Бразилии – создать законодательное условие, согласно которому официальная информация должна быть доступна любому, кто ее ищет, если только нет убедительной причины удержать ее.[24]

Любой закон о свободе информации должен будет установить границы, и тут козырем «национальной безопасности» легко злоупотребить. Закон о государственной тайне может идти непосредственно за прогрессивным законом о доступе к информации, успешно переделывая многое, если не все из того, что было до этого уступлено.[25] Сингапур даже подверг преследованию издание Бизнес Таймс за напечатание ничего более угрожающего, чем официальный прогноз вероятного экономического роста страны – материала, абсолютно доступного в других индустриально развитых странах – а затем сократил распространение журнала Экономист за критику этого шага.[26]

Некоторые из недавних дебатов о противоречии между необходимостью общества иметь доступ к информации и требованиями государства о безопасности были столь же значительны, как и те, что шли в Соединенных Штатах по поводу секретности, навязываемой министерством юстиции во имя «войны с терроризмом». Хотя здесь и есть внешне убедительная логика в содержании подозреваемых и мнимых террористов под секретом, существует опасность, что гораздо больший общественный императив будет разрушен. Большое значение имеет недавнее особое мнение Дэймона Дж. Кита (США), судьи апелляционного суда 6 округа, который предостерег, «что демократия умирает за закрытыми дверями». Он пишет, что первая поправка Конституции США и свобода прессы защищают «право людей знать», что их правительство действует справедливо и законно. «Когда правительство начинает закрывать двери», - продолжает он, - «оно избирательно контролирует информацию, которая по праву принадлежит народу. Отобранная информация – это дезинформация». И далее: «Правительство, действующее в тени секретности, находится в полной оппозиции к обществу, которое представляли себе создатели нашей Конституции».[27]

Насколько сложно определить границы доступа к информации в сфере безопасности, настолько же велики сложности с точки зрения вторжения в личную жизнь. Ценности, которые общества имеют в отношении личной жизни человека, варьируются и часто определяются их различной историей. Тот факт, что в Швеции любой может узнать налоговую декларацию своего соседа, вряд ли убедит людей в других местах в желательности такой открытости.

Информаторство в Южной Африке

Одним из важных препятствий в борьбе против коррупции является нежелание отдельных лиц давать сведения о коррупционных деяниях. Страх возмездия со стороны работодателей или коллег отвращает многих от того, чтобы сообщить о случаях коррупции. В Южной Африке информаторов часто воспринимают как

нарушителей спокойствия, или на южноафриканском наречии, «импимпис» (impimpis) – доносчики эпохи апартеида. В добавление к тому, чтобы быть заклейменными как предатели, информаторы, доложившие о нарушении дисциплины до принятия Акта 2000 г. о защите раскрытия информации, не нашли бы юридической защиты или поддержки от своего правительства.

После серии скандалов, в которых информаторы пострадали из-за своих действий, в том числе некоторые были уволены с работы, парламентский комитет создал проект закона. Основанный на Акте о раскрытие общественно значимой информации, принятом в Великобритании в 1998 г., закон обеспечивает юридическую защиту информаторам, чья карьера пострадала в результате их действий. Акт о защите раскрытия информации, который вступил в силу в феврале 2001 г., устанавливает процедуры, согласно которым работники и государственного, и частного сектора, которые сообщают о незаконной или коррупционной деятельности своих работодателей или коллег, защищены от репрессий. Закон ставит целью поощрить честных работников сообщать о правонарушениях.

Но чтобы такой закон заработал, должны произойти три вещи. Во-первых, должна существовать политическая воля, выступающая против культуры презрительного отношения к информаторам. Во-вторых, работодатели должны быть обучены осуществлять действенную политику информаторства, позволяющую работникам выражать свою озабоченность без страха наказания. В-третьих, сами работники должны знать и понимать свои законные права, чтобы иметь возможность сообщать о нарушениях дисциплины в надлежащем порядке.

Оказав поддержку в разработке нового закона, Центр помощи «Открытая демократия» (ЦПОД) в настоящий момент обратился к этим трем аспектам, пытаясь заставить закон работать. Целью ЦПОД является «продвижение открытой и прозрачной демократии; поощрение культуры корпоративной и правительственной подотчетности; а также помощь людям в реализации их прав». Предоставляя бесплатную юридическую помощь, ЦПОД стремится помочь отдельным людям разобраться с трудным выбором, который стоит перед ними, когда они решают, сообщить или промолчать. Эта группа занимается мониторингом и пропагандирует эффективное исполнение закона и осуществляет тренинг сотрудников как в государственном, так и в частном секторе. Чтобы помочь информаторам, ЦПОД также организовал телефон юридической помощи (0800-лалела, что означает «слушай» на языке экхоза), построенной на модели, используемой британским НКО «Общественная обеспокоенность в действии».

Новый закон является ключевым в продвижении доступа к информации. Защищенные этим законом, информаторы имеют больше возможности донести информацию о коррупции до общественности. Организации гражданского общества, такие как ЦПОД и Транспаренси Интернешнл - Южная Африка, понимают ценность этого закона и умножают свои усилия, чтобы заставить это законодательство работать.

Ричард Калланд,
сайт www.opendemocracy.org.za

Общественные деятели часто требуют для себя права не видеть своей частной жизни выставленной напоказ в СМИ. Поскольку суды во всем мире склоняются к той точке зрения, что общественные деятели принадлежат по своей сути обществу, граждане и СМИ, похоже, побеждают в этом споре.[28] В результате этого, все в большем количестве стран общественные деятели должны мириться с более тщательным изучением их частной жизни, чем было бы позволено в ситуации с

обычными гражданами; политики, в частности, должны обладать более крепкими нервами, когда дело доходит до диффамации, и соглашаться на меньшую защиту. Обращения оградить «информацию, содержащую коммерческую тайну» через ограничение прав общества на информацию являются распространенной практикой. Тем не менее, поскольку это принципиальный вопрос, граждане несомненно имеют, в соответствие с демократией, право знать о деталях коммерческих сделок, заключенных между их правительством и его поставщиками, особенно в эпоху приватизации, когда деятельность, характерная для государственного сектора, переходит в частные руки. В то время, как конфиденциальность может характеризовать законные сделки внутри частного сектора, она совершенно не может быть оправдана, когда на кону стоят общественные средства.[29]

Возможно, самой проблематичной сферой является то, в каком объеме граждане могут иметь доступ к рекомендациям по выбору экономической политики. Сторонники ограничения такого доступа утверждают, что рекомендации чиновников своим министрам должны даваться без опасений; раскрытие такого обмена мнениями вниманию общественности пагубно скажется на обязательной атмосфере доверия и в конечном итоге подорвет эффективность принятия решений. Соответственно, внутренние официальные документы освобождаются от обязательных требований законодательства по свободе информации. Тем не менее, остается фактом то, что страны, сделавшие доступной эту информацию, не только столкнулись с очень небольшим, и даже с полным отсутствием проблем, но и последовательно занимают первые места в ежегодном Индексе восприятия коррупции Транспаренси Интернешнл.[30]

В случае конфликта

Как только мы получили законное право на информацию в необходимых границах, как должны быть разрешены соперничающие интересы в любом конкретном споре? Насколько легко могут быть навязаны политические интересы, по сравнению с общественными, когда гражданин или журналист обращается с запросом?

В некоторых странах министры обладают правом отклонять по своему усмотрению запросы на информацию. Разумеется, ни один министр не должен иметь такой власти, поскольку ею легко злоупотребить. Сведения никогда не должны быть утаены, если обнародование их неудобно или поставит в неловкое положение министра или его ведомство. Министры также не должны иметь права блокировать доступ, утверждая, что данная информация не имеет никакого отношения к запрашивающему ее, или что ее можно «неправильно понять».[31]

Некоторые страны допускают право на апелляцию независимому специальному уполномоченному по информации, уполномоченному по правам человека или апелляцию суду. Системы управления могут различаться, но всегда будет существовать абсолютно неприемлемый конфликт интересов – может ли чиновник быть судьёй в своем деле или нет.

Кампании за информацию и систему управления документацией

Должны ли люди вечно просить информацию, на которую они имеют право? Власти не должны просто ждать, пока у них попросят информацию. Они должны разработать систему, которая дает людям важнейшую информацию до того, как они о ней попросят. Такие конструктивные действия могут быть гораздо более

рентабельными и практичными, по сравнению с ситуацией, когда ведомства пассивно ждут подачи обращений.[32] Такая предупредительная стратегия особенно выгодна для правительств с ограниченными ресурсами. Когда в правительственных учреждениях и других общественных местах информация сделана доступной, затраты времени сотрудников на обработку индивидуальных запросов могут быть значительно сокращены – и граждане могут узнать о своих правах, не предполагая даже того, что они обладают правом знать.[33]

Когда мы ведем кампанию за больший доступ к информации, мы должны одновременно бороться и за улучшение системы управления документацией. Мало смысла в том, чтобы иметь доступ к информации, которая хаотична и ненадежна. Очевидно, что требуется методичный, полный и надежный метод документации. Но по мере того, как власти становятся более открытыми, реформаторы должны быть готовы принимать мир таким, какой он есть, а не каким они его хотели бы видеть. Старая документация может быть настолько хаотично организованной, что делает право на доступ к информации весьма затратным по времени, если не полностью бесполезным. И в самом деле, в Мексике, где закон о свободе информации был принят в апреле 2002 г., согласно одному докладу, «официальные документы, стенограммы и заметки с важных собраний намеренно удерживались от общественности, так что практически никаких официальных документов о том, как принимались ключевые решения, не осталось. Во многих случаях официальные документы были уничтожены или увезены домой чиновниками, оставившими службу».[34]

В таких случаях временные соглашения важны для того, чтобы вера граждан в свои недавно завоеванные права не пропала бы, как только они начнут ими пользоваться. Вместо того, чтобы позволить существующей плохой системе документации стать причиной полной приостановки реформы, будет лучше подвести черту и начать все сначала, так что право на доступ к информации не будет иметь обратной силы в тех областях, где существующая система просто не может надежно работать.

Какой бы курс не будет выбран, на поставщиков информации должна быть возложена четкая обязанность сделать так, чтобы информация была полной, связной и понятной аудитории, на которую она рассчитана. Фактор цены неизбежно возникает как аргумент против этой реформы. Должны ли те, кто запрашивает информацию, оплачивать стоимость подготовки ответа? Если да, то должны ли существовать пределы? Очевидно, что высокие цены сдерживают запросы и таким образом подрывают саму процедуру. К счастью, власти начинают понимать, что преимущества открытости перевешивают любые связанные с ней затраты. Более того, где бы не принималось это законодательство, существует тенденция к установлению минимальной цены за услуги.

Информация и частный сектор

Частному сектору также по-своему нужен доступ к полной и надежной общественной информации, особенно той, что относится к правилам и процедурам государственных закупок, которые в некоторых странах становятся доступными через Интернет.[35]

Хотя и информация, принадлежащая частному сектору, регулируется соображениями, весьма отличающимися от тех, что используются в общественном секторе, определенные категории информации должны быть доступны для потребителей, поставщиков и работников. Примеры охватывают четко

маркированные продукты и честно выписанные счета, профессиональный аудит и финансовые услуги, а также принадлежащие работодателям личные дела сотрудников.
Общественность справедливо ждет большей подотчетности вне зависимости от того, частные компании осуществляют общественные функции или традиционно осуществляемая государством деятельность была приватизирована. Частным организациям нельзя позволить запутывать политическую подотчетность; наоборот, граждане имеют право знать больше о сотрудничестве между государственным и частным секторами, чем о деятельности, полностью относящейся к частному сектору. В конце концов, вся финансируемая государством деятельность имеет отношение к деньгам налогоплательщиков. Граждане также вправе ожидать правдивой финансовой информации от акционерных обществ. Мы имеем право ожидать от аудиторов частного сектора, что они будут осуществлять свои обязанности вне зависимости от своих клиентов и оглядываясь скорее на интересы общества, чем на своих начальников. Финансовые отчеты, которые они делают, жизненно важны для благосостояния граждан, и они выполняют общественный долг, предоставляя информацию, что дает истинную картину финансового здоровья компаний, которые они подвергают аудиту.[36]
Надо отдать им должное – ведущие корпорации, играющие свою традиционную деловую роль, начинают признавать законность общественной озабоченности и в некоторых случаях отвечают на нее, поддерживая политику доступа к информации.[37] И в самом деле, подотчетность частного сектора обществу в целом лежит в самой основе растущего движения за социальную ответственность корпораций.

Перемена культурологического характера

Даже если преимущества открытости верно понимаются как огромные, перспектива права на доступ к информации может быть воспринята как угроза для чиновников, привыкших относиться к своим материалам как к секретным и таким образом находящимся в безопасности от глаз пытливой публики.
Перемена культурологического характера требуется в среде государственных служащих – от самых младших по должности до несущего ответственность министра. Они должны прийти к пониманию, что, хотя в прошлом их управление делами и казалось адекватным, введение политики доступа к информации может значительно улучшить качество их управления. Такая политика поощряет такой этический принцип государственного служащего, как «служба народу», повышает удовлетворенность работой и поднимает оценку, даваемую чиновникам общественностью, которой они служат, и среди которой они живут.

Программа реформы

Что, в таком случае, должно быть нашей целью?
От наших властей нам нужна четко сформулированная и широко распространенная политика по доступу к информации, которая обеспечивает максимально широкий доступ одинаково и для граждан, и для СМИ – как на местном, так и на национальном уровне.[38] Наше законное право на доступ к общественной информации должно быть формально гарантировано.
Система управления документацией должна гарантировать, что информация, на которую граждане имеют право, является точной, полной и легкодоступной.

Важнейшая информация должна быть донесена до людей в легко понятной форме и на понятном языке. Политика в области общественной информации должна предусматривать практику открытости в сфере финансирования деятельности политических партий, с обнародованием пожертвователей и пожертвований. У нас также должен быть доступ к декларациям о доходах и прибылях по процентам занимающих высокое положение общественных деятелей.

Мы должны добиться формальных гарантий свободы слова, печати и отсутствия репрессивных законов о клевете. Честные журналисты должны иметь возможность делать профессиональные репортажи и не находиться под влиянием «спонсорства» и личных интересов. Принадлежащие государству СМИ, там, где их существование оправдано защитой общественных интересов, должны быть управляемы вне зависимости от редакторского контроля со стороны правящей партии. Исходя из того, что система, которой управляет главный архивист и документы, которые он или она хранит, дают «след» в виде бумаг, являющихся решающими в разоблачении коррупции и плохого управления, мы должны задаться вопросом, почему эти должности столь незначительны по положению и недостаточно обеспечены. Давайте спросим, почему должности главного архивиста не дана конституционная защита и почему она не находится на одном уровне с членом Верховного суда или высшего конституционного учреждения, если ее роль в гарантировании одновременно и подотчетности, и общественного доступа столь существенна.

На международном уровне, двусторонние и многосторонние организации должны сделать доступной всю имеющуюся информацию об их займах и представлении помощи – не только в виде общих сумм займов, но вплоть до уровня местных, финансируемых ими проектов. Подобным образом, политика частного сектора должна поощрять доступ к информации, которой владеют корпорации.

Не должны мы пропустить и необходимость формальных гарантий для защиты жалобщиков, если им приходится выступать информаторами.

Выводы

Почти два столетия после Джеймса Мэдисона борьба за доступ к информации, недавно столкнувшаяся с препятствием в виде 11 сентября и «войны против терроризма», готова продолжиться. Секретность все еще сталкивается по всему миру с интересами общества, и значительнее всего она увековечивает среду, в которой коррупция может процветать беспрепятственно – прямая опасность для каждого из нас и угроза, которая продолжает подрывать демократические завоевания прошлого десятилетия. Не слишком ли велики наши надежды, что по мере того, как общества будут становиться более открытыми, доверие в их институты будет процветать?

Драматург и мыслитель Джордж Бернард Шоу утверждал, что «право знать – как право жить. Оно фундаментально и безусловно в своем предположении, что знание, как жизнь, является желанной вещью».[39] Во многом по тем же причинам архитекторы нашего глобального движения против коррупции приняли «прозрачность» в качестве лозунга на нашем боевом знамени.

---

[1] Газета *Вашингтон Пост* (США) от 30 августа 2002 г.

[2] Сайт www.cfoi.org.uk/sweden1.html Свобода информации лелеется шведским законодательством с 1766 г. Шведское правительство продолжает развивать эту проблему, совсем недавно через инициативу «Открытая Швеция», направленную на улучшение применения закона и развитие общественной осведомленности. См. сайт www.oppnasverige.gov.se/page/1/42.html.

[3] Газета *Гардиан* (Великобритания) от 4 мая 2001 г.
[4] Газета *Гардиан* (Великобритания) от 29 августа 2002 г.
[5] См. «Берегите свое имущество от любопытных глаз…10 убедительных причин выбрать Доминику», реклама на сайте Сэйф Хэвен Офшор Лимитид, июнь 2000, сайт www.safehavenoffshore.com/10reasons.htm.
[6] Фонд «Комитет международных стандартов бухучета» (КМСБ) – организация, которая, вероятно, будет устанавливать с 2005 г. правила для всех зарегистрированных в Европе кампаний, была подвергнута критике за неспособность раскрыть имена более чем ста свих корпоративных доноров. Озабоченность появилась тогда, когда стало известно, что компания Энрон собирается сделать пожертвование, если это поможет ей оказать влияние на выработку политики КСМБ. Газета *Файненшл Таймс* (Великобритания) от 4 марта 2002 г.
[7] Компании Энрон и Артур Андерсен были тем случаем, что относится к обсуждаемому вопросу. Внутренний аудит был соединен с внешним, несмотря на то, что десятки миллионов долларов были утаены и миллионы долларов прибыли волшебным образом произведены из деловых планов, все еще находящихся на начальной стадии. Газета *Уолл Стрит Джорнел* (США) от 16 апреля 2002 г. Не доверяя лидерам частного сектора, Комиссия по рынкам и ценным бумагам внесла предложение, чтобы эти лидеры были принуждены, под страхом уголовного преследования, подтверждать точность квартальных отчетов о положении дел их предприятий. Газета *Файненшл Таймс* (Великобритания) от 13 июня 2002 г.
[8] Бывший председатель КРЦБ США Артур Левит пишет: «Юристы, которые могут играть решающую роль в обнародовании или сокрытии финансовых проблем, должны пересмотреть свои собственные кодексы этики. В соответствие с этическими стандартами Американской ассоциации юристов, юристы, которые обнаружили правонарушения своих клиентов, не могли сообщить об этом КРЦБ или местным властям. Надо обратиться к этому врожденному конфликту». Газета *Нью-Йорк Таймс* (США) от 17 января 2002 г.
[9] Газета *Гардиан* (Великобритания) от 11 июня 2002 г.
[10] Газета *Нью-Йорк Таймс* (США) от 31 августа 2002 г.
[11] «Случай с компанией Энрон был также провалом для журналистики. Если бизнес более влиятелен, мы должны лучше освещать положение дел в бизнесе, чтобы призвать его к ответу… Симптомы были доступны всем, кто хотел бы на них посмотреть, … но большинство публикаций стало рассматривать проблему Энрона серьезно только после того, как все закончилось». Ричард Ламберт, издатель газеты *Файненшл Таймс* (Великобритания) с 1991 по 2001 г., подверг критике действия собственного цеха в статье «Энрон и пресса», *Проспект Мэгазин* (Великобритания), март 2002 г.
[12] 13 июня 2002 г.
[13] Газета *Таймс* (Великобритания) от 30 августа 2002 г.
[14] Противоположное утверждение является тезисом Рейнских лекций 2002 г. профессора Оноры О'Нейл, а именно то, что "потоп информации, сброшенный на нас во имя открытости, оставляет нас менее способными, чем раньше, оценивать правду». См. статью «Доверие – это первая жертва культа прозрачности», газета *Гардиан* (Великобритания) от 24 апреля 2002 г. Лекции напечатаны издательством Кэмбрижского университета.
[15] Мексиканский президент Висенте Фокс ответил на эти требования добровольным обнародованием своего финансового положения в Интернете. Новости радиостанции «Голос Америки» от 3 мая 2002 г.
[16] Газеты *Файненшл Таймс* (Великобритания) от 29 апреля 2002 г.; сайт www.transparency.org/cgi-bin/dcn-read.pl?citID=45105.
[17] Пользующееся дурной славой замечание «мастера фальсификаций» Джо Мур помогло дать начало переоценке роли политических назначений «специальных советников» в системе государственной службы Великобритании комитетом Викса (все еще заседающего на момент написания этой статьи). Газета *Гардиан* (Великобритания) от 9 октября 2001 г. Позже она была уволена за неудачный выбор времени для сообщения дурных новостей в день, прошедший под знаком национального траура.
[18] Конституция Бразилии, часть 5, статья 33.
[19] Полный отчет см. в работе Роба Дженкинса и Мэри Гётц «Счета и подотчетность: теоретическое значение законодательства о праве на информацию в Индии», журнал *Third World Quarterly*, т.29, № 3, 1999 г.
[20] Новости ББС (Великобритания), 14 июня 2002 г.
[21] «Критика инициированных государством кампаний по социальному аудиту и публичным слушаниям (Ян Сунваис)» – записка, подготовленная для МКШС к семинару «Институализация социального аудита и общественной бдительности», проведенного 7 января 2002 г.

[22] Ср. со схожим случаем в Танзании, обнародованным на семинаре Транспаренси Интернешнл «Информация для подотчетности»», состоявшимся в Танзании 27-28 марта 2000 г.; сайт www.transparency.org/working_papers/thematic/proceedings.html.
[23] См. работу Дженкинса и Гётц.
[24] Конституция Бразилии, часть 5, статья 33. Подобное также относится к новозеландскому Акту об официальной информации 1982 г. акт изменил на противоположный принцип секретности, установленный в акте об официальных секретах, который он аннулировал.
[25] Зимбабве объединило оба подхода в одном акте, дав явно «либеральное» название крайне репрессивному своду законов. Тарифы на лицензии, установленные по этому акту, характеризуются как «абсолютно возмутительные» и способные вынудить некоторые международные агенства прекратить свою работу в Зимбабве. Газета *Дэйли Телеграф* (Великобритания) от 17 июня 2002 г. Других уже вынудили покинуть страну, таких как ББС.
[26] Редактор сингапурского издания *Бизнес Таймс,* наравне с другими был подвергнут преследованию в соответствие с местным актом об официальных секретах за публикацию в разделе «срочно» предварительных подсчетов ВНП – варианта подсчета последних данных экономического роста – перед тем, как они были официально обнародованы. Когда журнал *Экономист* насмешливо прокомментировал эти преследования, он встал на путь конфронтации с правительством, который привел к сокращению распространения журнала в Сингапуре. Материал «Газеты: запрет – это не запрет, если он не ограничен» Френсиса Т. Сеоу (бывшего Генерального прокурора Сингапура), апрель 1998 г., сайт www.sfdonline.org/Link%20Pages/Link%20Folders/Press%20Freedom/seow.html.
[27] Газета *Нью-Йорк Таймс* (США) от 2 сентября 2002 г.
[28] Газета *Таймс* (Великобритания) от 29 марта 2002 г. писала: «Газета *Миррор* имеет право знать, что [Наоми Кэмпбел, модель] лгала о том, что она не наркоманка и лечится от этого. Но газета зашла слишком далеко, напечатав сведения очень личного характера». Прогресс далеко не всеобщий, о чем откровенно говорят законы Зимбабве, запрещающиеся гражданам критиковать своего президента.
[29] Газета *Гардиан* (Великобритания) от 18 июня 2002 г. писала: «Фальшивый бухучет демонстрирует плату наличными частным лицам за общественные услуги как кражу у налогоплательщика».
[30] Скандинавия и Новая Зеландия постоянно возглавляют этот список как самые чистые страны в мире.
[31] Комиссия государственной службы Новой Зеландии, 1995 г.
[32] Такое требование теперь налагается на местную власть в Великобритании. См. сайт Совета по стандартам Великобритании www.standardsboard.co.uk/guidance/guidance_index.htm.
[33] Например, в Индонезии Мировой Банк поддержал установку щитов на строительных площадках с информацией о конкретном текущем проекте. Местная община может следить за процессом и контролировать происходящее. См. раб. Дженкинса и Гётц.
[34] Газета *Вашингтон Пост* (США) от 1 мая 2002 г.
[35] Хорошим примером является «OPEN/Открытая» система южнокорейского города Сеула; сайт www.transparency.org/building_coalitions/public/local_government/projects_topic/procurement.html. Чтобы узнать больше, см. статью об электронном правительстве в этом сборнике.
[36] «Вопрос об этической составляющей, особенно вопрос обязательств перед народом, нежели перед их клиентами, похоже, и не поднимался», - писал Питер Мартин в статье «Моральный долг бухгалтеров» в газете *Файненшл Таймс* (Великобритания) 17 мая 2002 г. См также *Файненшл Таймс* от 5 марта 2002 г
[37] Одна такая инициатива исходит от Найрекс (NIREX), корпорации, «занимающейся разработкой безопасных и надежных, с точки зрения окружающей среды, решений управления радиоактивными отходами». Его размещенная на сайте «политика прозрачности» обязывает корпорацию следовать «политике открытости». У нее также имеется политика в отношении ответов на запросы и она дает права апелляции к независимой группе рецензентов.
[38] ТИ-Россия является одним из отделений ТИ, которое вместе с местными властями работает над решением этой задачи. В Великобритании законодательство в настоящее время обязывает местные власти осуществлять предупредительную информационную политику (Акт о местной власти 2000 г. – см. сайт www.hmso.gov.uk/acts/acts2000/20000022.htm).
[39] «Введение к пьесе «Доктора»: ошибка в аргументации», в «Дилемме врача», 1913 г.